

Georgian National Academy of Sciences
Iv. Javakishvili Tbilisi State University
Arn. Chikobava Institute of Linguistics
Institute of Caucasiology at Faculty of Humanities

IV International Symposium of Linguist-Caucasiologists

Issues of Structure of Stem and Root
in Ibero-Caucasian Languages

M a t e r i a l s

Национальная Академия наук Грузии
Тбилисский государственный университет
имени Ив. Джавахишвили
Институт языкознания имени Арн. Чикобава
Институт кавказоведения факультета
гуманитарных наук

IV Международный симпозиум лингвистов-кавказоведов

Вопросы Структура основы и корня
иберийско-кавказских языков

М а т е р и а л ы

Tbilisi 2015 Тбилиси

საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

ივ. ჯავახიშვილის სახელობის თბილისის სახელმწიფო
უნივერსიტეტი

არნ. ჩიქობავას სახელობის ენათმეცნიერების ინსტიტუტი
ჰუმანიტარულ მეცნიერებათა ფაკულტეტის კავკასიოლოგიის
სასწავლო-სამეცნიერო ინსტიტუტი

ენათმეცნიერ-კავკასიოლოგთა IV საერთაშორისო სიმპოზიუმი

იბერიულ-კავკასიურ ენათა ფუძისა და
ძირის სტრუქტურის საკითხები

მ ა ს ა ლ ე ბ ი

თბილისი

2015

სარედაქციო კოლეგია: რ. აბაშია, ლ. აზმაიფარაშვილი (სწავლული მდივანი), ა. არაბული, ნ. არდოტელი, თ. ბურჭულაძე, ც. ბარამიძე, გ. გოგოლაშვილი, თ. ვაშაკიძე, მ. თეთრაძე, დ. კაკაშვილი, გ. კვარაცხელია, რ. ლოლუა, ნ. მაჭავარიანი, ე. საბანაძე, მ. სუხიშვილი, თ. უთურგაიძე, რ. ფარეულიძე, მ. ღლონტი, ვ. შენგელია (მთავარი რედაქტორი), ი. ჩანტლაძე, მ. ჩუხუა, რ. ჯაიანი.

Editorial Board: R. Abashia, A. Arabuli, N. Ardoteli, L. Azmaiparashvili (Scientific Secretary), Ts. Baramidze, T. Burchuladze, I. Chantladze, M. Chukhua, M. Glonti, G. Gogolashvili, R. Jaiani, D. Kakashvili, G. Kvaratskhelia, R. Lolua, N. Machavariani, R. Pareulidze, E. Sabanadze, V. Shengelia (Editor-in-chief), M. Sukhishvili, M. Tetradze, T. Uturgaidze, T. Vashakidze.

Редакционная коллегия: Р. Абашиа, Л. Азмайпарашвили (ученый секретарь), А. Арабули, Н. Ардотели, Ц. Барамидзе, Т. Бурчуладзе, Т. Вашакидзе, М. Глonti, Г. Гоголашвили, Р. Джаиани, Д. Какашвили, Г. Кварацхелиа, Р. Лолуа, Н. Мачавариани, Р. Пареулидзе, Э. Сабанадзе, М. Сухишвили, М. Тетрадзе, Т. Утургаидзе, И. Чантладзе, М. Чухуа, В. Шенгелиа (главный редактор).

© არნ. ჩიქობავას სახელობის ენათმეცნიერების ინსტიტუტი

ISBN

шой ролью воды в жизни человека и опасностями, связанными с добычей рыбы в реках и морях. Адыги представляли их себе в виде красивых женщин, расчесывающих волосы в полуденный зной на берегу реки или моря. А. Т. Шартанов считает, что «Псегуаш есть не что иное, как Псыхьогуаше, – ее образ воплощается в обряде «Ханце – гуаше», к которому прибегают адыги во время засухи». По замечанию А. Т. Шартанова, обливание друг друга водой «не забава, а один из важных моментов аграрного культа вызывания дождя».

Следует отметить, что билингвемы выполняют интеркультурную функцию между двумя лингвокультурами. Тексты БЯЛ адыгского языкового пространства служат адекватным средством трансляции языковой картины мира, которая фиксирует и актуализирует понятийное, эмоциональное и лингвокультурологическое содержание объектов мировидения в диахронии и синхронии в социуме.

И. Г. Багирова, Ю. А. Ландер (Москва)

Именная инкорпорация в адыгейском языке

Абхазо-адыгские языки традиционно характеризуются как полисинтетические (см., например, (М. А. Кумахов), но на первый взгляд не обнаруживают черты, которая нередко принимается как определяющая полисинтетизм, – инкорпорацию имени в глагол. Некоторые авторы находят рудименты этого процесса в отдельных корнях. Кроме того, отдельные обозначения частей тела иногда инкорпорируются в глагол в составе комплексов актантной деривации, как в *кьы-з-жэ-дэ-быба-гъ* DIR-1SG.IO-rot-LOC-лететь-PST 'он ко мне залетел в рот'. Впрочем, все такие примеры далеки от классической продуктивной инкорпорации имени в глагол вроде той, что наблюдается, например, в чукотско-камчатских или ирокезских языках. На адыгейском материале мы покажем, однако, что инкорпорация имени в глагол может постулироваться здесь и как синхронное явление.

Прежде всего, заметим, что в адыгейском языке имена активно участвуют в основосложении в составе так называемого именного комплекса – в первую очередь, в сочетании с прилагательными и другими именами (ср. *шъхъа-ц-гъжъу-р* голова-волос-густой-ABS ‘густые волосы головы’), нередко результат такого основосложения описывается как композит. В литературном адыгейском лексические части именного комплекса сами образуют единую основу (например, они выступают вместе в образованных от именных комплексов каузативах: *у-з-гъэ-кIэлэ-цIыкIу-гушы-цт* 2SG.ABS-1SG.ERG-CAUS-парень-маленький-умный-FUT ‘я тебя сделаю умным мальчиком’), хотя в диалектах и в близкородственном кабардино-черкесском языке наблюдается очевидная деморфологизация комплекса. Поскольку синтаксическое противопоставление имен и глаголов в адыгейском языке является крайне слабым [Lander, Testeletts 2006], именной комплекс может выступать как в функции актанта, так и в функции сказуемого (ср. *у-цIы.ус-пхъаш* 2SG.ABS-обманщик-жесткий ‘Ты умелый обманщик’).

Как отмечает, например, А. Н. Абрегов, в части композитов, образующих именной комплекс, в качестве вершинной части выступает глагольный корень; ср. приведенное выше имя *цIы-ус* ложь-сочинять ‘обманщик’, а также, например, *кIэпсэ-ры-кIу* веревка-TRANS-идти ‘канатоходец’. Такие композиты, как правило, описывают либо объекты (одушевленные или неодушевленные), для которых ситуация, описываемая сочетанием глагола и имени, является типичной функцией или хабитуальным действием, или сами эти функции и хабитуальные действия; ср. *сэдэкъэ-хэ-дз* милостыня-LOC-бросать ‘попрошайка, попрошайничество’. Они также объединяются с выражениями вроде *нэ-шхъуантI* глаз-синий в контекстах вроде *пшъэшъэ-нэ-шхъуантI* девушка-глаз-синий ‘синеглазая девушка’ или *у-нэ-шхъуантI* 2SG.ABS-глаз-синий ‘Ты синеглазая’.

Хотя указанные композиты обычно описываются как средство именного словообразования, с типологической точки зрения они могут быть описаны как результат инкорпорации имени в глагол или прилагательное. Это становится очевидно в предложениях, где эти композиты выступают как сказуемое, – такие предложения параллельны классическим примерам инкорпорации имени в глагол: *у-ахъцэ-гъэ-кIод* 2SG.ABS-деньги-CAUS-исчезать ‘ты постоянно тратишь деньги’.

При этом ни особое хабикулярное значение, ни даже именныи свойства не противоречат такой трактовке. Хабикулярная семантика свойственна инкорпоративным комплексам в некоторых языках и явно коррелирует с общей пониженной семантической транзитивностью этих комплексов. Если исходить из того, что противопоставление между именами и глаголами не обязано быть четким, дискретным и отсутствие четкой локализованности во времени описываемых ситуации или качества скорее приближает выражение к именному полюсу шкалы «имя – глагол», появление у комплексов вроде описываемых здесь именныи свойств не удивительно. Таким образом, строго говоря, эти именныи свойства не противоречат характеристике этих комплексов, как возникающих в результате инкорпорации имени в глагол.

Адыгейские инкорпоративные комплексы либо представляют собой фиксированные и уже известные носителю сочетания основ, либо воспринимаются как словотворчество. Такая ограниченность именной инкорпорации, однако, наблюдается и в языках, обычно признающихся инкорпорирующими. Несмотря на эту ограниченность, носители легко допускают возможность построения инкорпоративных комплексов с заимствованиями (е. г., *Телефон-гъэ-кIод мы кIалэ-р* телефон-CAUS-исчезать этот парень-ABS ‘Этот парень постоянно теряет телефоны’). Это указывает на то, что инкорпорация синхронно остается действующей моделью.

Итак, хотя инкорпорация имени в глагол в адыгейском языке не является особенно развитой (и соответствует первому, наименее продуктивному, этапу развития инкорпорации, нельзя утверждать, что она в этом языке отсутствует вовсе. Маскировка этого процесса под именное словообразование вполне объясняется, если принять во внимание более общие типологические соображения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-06-07434а).